

ВОЕННЫЕ ДОКТРИНЫ АЛБАНИИ, РУМЫНИИ И ЮГОСЛАВИИ В КОНЦЕ 60-х – начале 70-х годов XX века

Совместные военные действия государств-участниц Организации Варшавского Договора (ОВД) во главе с СССР по подавлению “Пражской весны” в августе 1968 г. были крайне негативно оценены руководством коммунистических Албании, формально являвшейся членом ОВД до начала сентября 1968 г., Румынии – члена Варшавского договора, выступавшего с особых позиций, и Югославии – лидера Движения неприсоединения. Тесная взаимосвязь политических и военных аспектов развития этих государств в условиях становления в них национальных “моделей” коммунистической власти способствовала формулированию базового принципа их военных доктрин – создание условий, при которых ущерб от нападения на эти небольшие и не обладавшие ядерным оружием страны, был бы для агрессора несоразмерно большим, нежели ожидаемая им выгода от нападения на них. Руководства Албании, Румынии и Югославии воспринимали теоретические дискуссии на тему использования ядерного оружия и публичные заявления политических деятелей Запада и Востока по данной проблеме с учетом того, что, во-первых, их страны не обладали подобным вооружением, и, во-вторых, нападения на эти государства могло произойти как в случае спланированной агрессии одной страны или их группы (коалиции), так и в условиях межблокового военно-политического конфликта и превращения территории трех стран в часть театра военных действий (ТВД) Североатлантического альянса и Варшавского пакта.

Стремление максимально использовать внешнюю угрозу для усиления собственных позиций в обществе и способствовать укреплению личной власти стали главными причинами, побудившими главу Румынии Н. Чаушеску согласиться с планом Совета государственной безопасности интенсифицировать формирование Патриотической Гвардии и создать ее территориальные структуры¹. 11 сентября 1968 г. на заседании постоянного Президиума ЦК Румынской коммунистической партии (РКП) были одобрены “предложения о мерах по улучшению дислокации и совершенствованию структуры подразделений вооруженных сил СР Румынии и их численности”².

Аналогичные мероприятия проводились в Югославии и в Албании. Общественно-политические соображения повлияли на темпы разработки Белградом оборонных мероприятий и их законодательное оформление. В середине 60-х годов XX в. военно-административное деление и дислокация вооруженных сил определялись в соответствии с принятой в 1958 г. концепцией обороны “Стратегия общенародной войны”. Во многом она подразумевала, прежде всего, угрозу агрессии в отношении Югославии с Запада. В свою очередь руководство Албании вплоть до второй половины 60-х годов XX в. делало ставку на отражение возможного нападения извне преимущественно средствами

Улуян Артём Акопович – доктор исторических наук, руководитель Центра балканских, кавказских и центральноазиатских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ Roncea V. “Îi primeam pe rusi cu foc de arma”. – Ziuă, 20.VIII.2008.

² Opreș P. Atitudinea adoptată de România în problema aplicațiilor militare ale organizației tratativei de la Varșovia după invadarea Cehoslovaciei în august 1968. – Sîndard, 2004, Asociația Sîndard, p. 2.

и силами регулярной армии. Но осенью 1968 – зимой 1969 г. разработка новой военной доктрины Тираны интенсифицировалась. Основную роль в этом процессе предстояло сыграть военным экспертам Министерства обороны страны под руководством главы ведомства генерал-лейтенанта Б. Балуку. В разработке теоретических основ оборонной стратегии участвовал и Э. Ходжа, первый секретарь Албанской партии труда (АПТ).

В разработке национальных военных доктрин Албании, Румынии и Югославии в конце 60 – начале 70-х годов XX в. была близость как по форме, так и содержанию. В опубликованном 19 февраля 1969 г. “Законе о народной обороне СФРЮ”³ вся система обороны страны претерпела серьезные изменения. Югославская народная армия (ЮНА) превратилась наряду с формированиями Территориальной обороны (ТО) в часть вооруженных сил страны. Части ТО имели специальные хранилища вооружений, и вместе с ЮНА, используя партизанские методы борьбы, должны были противостоять агрессору. Предусматривалось их превращение в полноценные военно-территориальные формирования, обладавшие противотанковым и зенитным оружием с разветвленной структурой служб, включая собственную организацию безопасности.

В состав ЮНА входили сухопутные войска, военно-воздушные силы, противовоздушная оборона и военно-морской флот. В конце 1968 – начале 1969 г. были упразднены военные округа ЮНА, а в военно-организационном отношении – корпуса. Были созданы армии, которые составили основу Армейских областей. Таким образом, вводилась территориальная организация армии, сохранявшаяся на протяжении последующих 20 лет⁴.

Особое внимание уделялось вопросу руководства вооруженными силами и командованию ими. В югославской военной традиции “руководство” и “командование” не были тождественны. Командование входило в состав руководства. Они действовали совместно, но в особых случаях именно командование могло выступать в роли главенствующего по отношению к руководству⁵.

В близком по содержанию законе Великого национального собрания (ВНС) Румынии 14 марта 1969 г. “О создании, организации и функционировании Совета Обороны Социалистической Республики Румынии” вопросу руководства оборонной политикой и реализации военной доктрины уделялось пристальное внимание. В компетенцию нового органа, согласно закону, входил широкий круг полномочий. Главными среди них были “разработка основополагающей концепции системы обороны; утверждение мер по организации и подготовке вооруженных сил и Патриотической Гвардии; утверждение планов мобилизации и использования вооруженных сил и Патриотической Гвардии в период войны” и т.д.⁶ Председателем Совета Обороны (СО) стал Н. Чаушеску. Он занимал и должность Главнокомандующего. Являясь совещательным органом, отвечающим перед ЦК РКП, ВНС и Государственным Советом, СО мог созываться только его председателем и принимать решения открытым голосованием⁷.

Юридическо-правовой аспект оборонной политики и военная доктрина, разработанные Белградом и Бухарестом, были похожи. Влияние югославского опыта на румынское руководство очевидно. Так, в частности, в югославском законе “О народной обороне” присутствовали важные с политической точки зрения положения о запрете признания оккупации противником любой части страны, о подписании с врагом кем бы то ни было соглашения о капитуляции без одобрения высших органов власти страны. Появление этих формулировок было обусловлено сделанными партийно-государственным руко-

³ Zakon o narodnoj obrani. – Službeni list SFRJ, 19.II.1969.

⁴ Marijan D. Jugoslavenska narodna armija – važnija obilježja. – Polemos, 2006, № 17, s. 29.

⁵ Marijan D. Rukovođenje i komandovanje Oružanim snagama SFRJ: Vrhovna razina. – Časopis za suvremenu povijest. Hrvatski institut za povijest, 2009, № 3, s. 663.

⁶ Lege nr. 5 din 14 martie 1969 privind înființarea, organizarea și funcționarea Consiliului Apărării Republicii Socialiste România. – Buletinul Oficial, 14.III.1969.

⁷ Rîjoveanu C. Consiliul Apărării al Republicii Socialiste România. – www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/1_rijnoveanu_consiliul_apararii.pdf

водством Югославии выводами, базировавшимися на чехословацком опыте, когда от имени части руководства в страну были “приглашены” иностранные войска и началась оккупация. Поездка начальника румынского Генерального штаба генерал-полковника И. Георге в Югославию 2–7 июня 1969 г. была частью программы обменов визитами между военными ведомствами двух стран. Бухарест и Белград были заинтересованы в расширении контактов и сотрудничества в оборонной сфере. В общении с румынскими коллегами югославская сторона подчеркивала, что именно с ними проводится такой подробный обмен опытом, тем самым демонстрируя свою заинтересованность в поддержании тесных отношений с Румынией.

В ходе визита И. Георге обратил внимание на то, что в Югославии “весь народ организован и подготовлен к участию в защите страны, каждый гражданин включен в один из следующих типов [сил обороны]: действующая армия, подразделения территориальной обороны (сходной с Патриотической Гвардией) и гражданская оборона (соответствует местным подразделениям ПВО). Все типы национальной обороны готовы к продолжительным действиям, как операциям прямого огневого контакта с агрессором, так и сопротивлению на временно оккупированной территории”⁸. Югославский закон определял граждан, ведущих вооруженную борьбу с противником, как участников вооруженных сил страны. Предполагалось, что военную подготовку в частях ТО должны были проходить свыше 800 тыс. человек. В военное время численность ТО могла быть увеличена до 3 млн. человек в возрасте от 15 до 65 лет. Служба в этих подразделениях приравнивалась к службе в армии⁹.

И. Георге узнал как о возможности уничтожения 50-ти вражеских дивизий так и о ведении борьбы в течение 20 лет¹⁰. Основным сценарием возможного военного конфликта являлось, по мнению политического и военного руководства Югославии, столкновение двух противостоящих блоков – НАТО и ОВД. Югославия должна была занять нейтралитет и быть готовой к отражению агрессии с любой стороны, если один из блоков захочет использовать ее территорию для ведения боевых действий против противника. В Белграде не исключали возможность оказания нажима ОВД на Югославию с использованием военной силы. В оборонной политике этот аспект всегда имелся в виду. В югославском руководстве рассматривали действия СССР в Чехословакии как проявление того, что “Москва готова скорее пожертвовать частью мирового коммунистического движения, чем отказаться от своих гегемонистских планов. Внутренние сложности в Советском Союзе заставляют руководителей в Кремле искать решение внутренних проблем за пределами Советского Союза”¹¹.

Основы военной стратегии, несмотря на официально провозглашенное югославской партией пропагандой авторство И.Броз Тито, формулировались в конкретном практическом плане ведущим военным теоретиком генералом И. Руковиной. Во взглядах югославского партийно-государственного и военного руководства на характер будущей войны доминировала мысль о неизбежности использования ядерного оружия, в связи с чем предусматривалась и соответствующая подготовка. Большое внимание уделялось развитию не только собственно вооруженных сил – ЮНА, но и подразделений ТО, которым предстояло составить отдельную силу в пределах административных границ союзных республик. Такой подход обуславливал выдвижение на первый план реализацию плана по децентрализации организации обороны, усиления территориальной автономии сил сопротивления агрессору и гибкости военно-командной структуры.

⁸ *Opriş P. Doctrina militară a României, asemănătoare cu cea a Iugoslaviei. 4.IX.2009. – <http://1989.jurnalul.ro/stire-special/doctrina-militara-a-romaniei-aseanatoare-cu-cea-a-iugoslaviei-519821.html>*

⁹ *Živković M. Teritorijalna odbrana. Edicija Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945 – 1985. Vojna tajna – interno. Beograd, 1986.*

¹⁰ *Opriş P. Doctrina militară a României, asemănătoare cu cea a Iugoslaviei.*

¹¹ *Stanković S. Ruling Group in Moscow Betraying Ideas of October Revolution, Yugoslav Theoreticians Claim. 30.1.1969. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 78-3-282. P. 1. www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-282.pdf*

К началу 1970 г. в Румынии сформировалось военно-административное деление страны и территориальное размещение вооруженных сил. Организационную основу их дислокации составил принцип военных округов. Их было три со штабами в Бухаресте, Тимишоаре и Клуж-Напоке. Таким образом, будучи окружена в географическом отношении союзниками по Варшавскому пакту и имея лишь единственный выход на внеблоковое государство – Югославию, Румыния могла стать объектом прямого нападения только ближайших соседей (не считая черноморского направления, контролировавшегося советским и болгарским ВМФ). Именно это обстоятельство повлияло на особенности дислокации и определение зоны ответственности соответствующих округов общевойсковых соединений и частей. Принципиальное значение для обороноспособности Румынии имела транспортная инфраструктура. Ее важнейшим элементом стало Трансфэгэрашское шоссе протяженностью 151 км.¹² Оно связало Валахию и Трансильванию через карпатские горы и перевалы в центре страны, создав возможность в условиях войны и возможной оккупации Румынии обеспечить функционирование “центра сопротивления” в этом районе по плану главы РКП. Действия румынского руководства по реализации оборонной политики и разработке военной доктрины сопровождалась попытками “успокоить” Кремль. В выступлении Н. Чаушеску перед руководящими кадрами Министерства обороны страны 5 февраля 1970 г. вновь было заявлено (что отметили и зарубежные аналитики)¹³ о том, что Варшавский блок носит оборонительный характер, прежде всего, против “империалистического нападения”, а вооруженные силы Румынии никогда не будут подчиняться кому-либо еще кроме “румынской коммунистической партии, правительства и верховного национального командования”, и что передача этих полномочий в любом, даже незначительном объеме, невозможна. Глава РКП подтвердил верность союзническим обязательствам, и указал, что “сотрудничество между нашими армиями [стран Варшавского пакта], в соответствии с отношениями между социалистическими странами и существующими соглашениями исключает любое вмешательство во внутренние дела другой страны или другой армии, которые сотрудничают в рамках этих договоров”¹⁴.

28 декабря 1972 г. ВНС приняло новую редакцию “Закона об организации национальной обороны Социалистической Республики Румынии”¹⁵. Его особенностью было несколько основных и принципиальных положений. Они появились в ряде принятых с августа 1968 г. (сразу же после вторжения войск ОВД в Чехословакию) законов, относившихся к организации Патриотической Гвардии и отдельным аспектам обороны. Стратегической целью боевых действий румынских сил был не молниеносный разгром противника, а продолжительная, затяжная вооруженная борьба всего населения, не позволяющая достичь противнику блицкрига. Одновременно румынское партийное руководство рассчитывало на получение дипломатической поддержки, в результате чего противник оказался бы в международной изоляции¹⁶.

В законе нашла свое отражение развивавшаяся Н. Чаушеску румынская версия доктрины “общенародной обороны”, т. е., дословно, “всеобщей борьбы всего народа”. При определении основных сил, участвующих в подготовке национальной обороны, помимо повторения югославского примера, когда перечислялись регулярные вооруженные силы, МВД, Патриотическая Гвардия (аналог югославской ТО), местные подразделения противовоздушной обороны (что также являлось частью югославского опыта), были названы и те, которые отражали румынскую специфику: “подразделения по под-

¹² *Gheorghe D. Ultimii santieristi de pe Transfăgărașan. – România Liberă, 11.VIII.2008.*

¹³ *Johnson A. Rumanian-Soviet Polemics: An Escalation Of Pressures On Bucharest? 22.IV.1970. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 51-2-279. P. 4. www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/text/51-2-279.shtml*

¹⁴ *Scântea, 6.II.1970.*

¹⁵ *Lege nr.14 din 28 decembrie 1972 privind organizarea apărării naționale a Republicii Socialiste România. – Buletinul Oficial. № 160, 29.XII.1972.*

¹⁶ *Romania: a Country Study. Federal Research Division. Washington, 1991, p. 260.*

готовке молодежи к защите Родины”, “другие и органы или организации, которые будут созданы в соответствии с законом”¹⁷.

Новый закон свидетельствовал о явном стремлении главы РКП не допустить любой формы внешнего воздействия на создаваемый и укреплявшийся им режим личной власти. Уже в статье первой закона, помимо заявления о том, что “Социалистическая Республика Румыния является социалистическим государством, независимым и унитарным, в котором вся власть принадлежит народу, а её территория неотторжима и неделима”, содержался пассаж о запрете “принятия или признания любых действий иностранных государств в любой ситуации – независимо от ее природы, включая общую капитуляцию, оккупацию национальной территории, которые в мирный или военный период наносят ущерб суверенитету, национальной независимости и территориальной целостности Социалистической Республике Румыния или каким-либо образом ослабляет ее обороноспособность. Любой подобный акт принятия или признания является не действительным с самого начала как противоречащий государственной конституции и интересам социалистической нации”¹⁸. Принятие этого положения как части закона априори исключало возможность легитимации “чехословацкого сценария” применительно Румынии¹⁹.

Не менее важным с этой же точки зрения являлось и другое положение закона, юридически закреплявшего за главой РКП Н. Чаушеску, возглавлявшим Государственный Совет и Совет Оборона, особые права. В статье седьмой закона утверждалось о том, что “переговоры относительно полного прекращения военных действий на определенное время для окончания общего или местного перемирия, прекращения войны или заключения мирного договора”, могли вестись “только будучи утверждены Великим Национальным Собранием, т. е. парламентом страны, а в перерывах между его заседаниями, Государственным Советом, по предложению со стороны Совета обороны СРР и лицами, уполномоченными ими”²⁰.

Легитимация военной доктрины Югославии и Румынии являлась частью проводимой руководством этих стран оборонной политики и отражала процессы внутривнутриполитического развития. Это стало очевидно весной – осенью 1971 г. во время “Хорватской весны”²¹. Югославская печать постаралась, как отмечали иностранные эксперты, опровергнуть заявления зарубежных средств массовой информации о вовлеченности югославских вооруженных сил во внутривнутриполитические дела и опубликовала сообщение о подготовленном Генеральным штабом ЮНА проекте доктрины всенародной обороны под названием “Директивы об общенародной обороне” для обсуждения в Скупшине. Документ определял не только роль и место ЮНА в системе обороны, но и сил ТО, фактически находившихся под контролем республиканских властей.

Военно-политическая ситуация, складывавшаяся в мире, как она определялась военным руководством Югославии, привлекает внимание формированием новой системы обороны страны и положения в ближайших к ней регионах – Средиземноморье и Ближнем Востоке²². Представители командования ЮНА предупреждали о том, что военные не преувеличивают “опасность оказания давления со стороны противника [на Югославию] с целью создания дымовой завесы в отношении существующих у нас трудностей

¹⁷ Cap. 3, Art. 22. *Lege nr.14 din 28 decembrie 1972 privind organizarea apărării naționale a Republicii Socialiste România*. – Buletinul Oficial, № 160, 29.XII. 1972.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ *Oprîș P. Viziunea lui Nicolae Ceaușescu despre apărarea suveranității României în cadrul Organizației Tratatului de la Varșovia*. – Jurnalul Național, 28.VII.2009.

²⁰ Cap. 2, Art. 7. *Lege nr. 14 din 28 decembrie 1972*.

²¹ *Романенко С.* “Хорватская весна” и советско-югославские отношения на рубеже 1960 – 1970-х годов. – Славяноведение, 2008, № 3.

²² *Stankovic S.* What Does the Yugoslav Army Think? 28.VI.1971. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 79-4-5. P. 6. www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/79-4-5.pdf

и проблем”²³. Принятие 21 февраля 1974 г. новой конституции страны было призвано легитимировать проводившиеся югославским руководством общественно-политические реформы, что, по мнению властей и лично И.Б. Тито, могло способствовать ликвидации причин, породивших общественно-политический кризисы федерации конца 60 – начала 70-х годов XX в. В свою очередь румынские военные рассматривали доктрину “общенародной войны” в своих теоретических работах с учетом возможностей страны и вероятных действий противника или их коалиции. Они отмечали, что “действия сил империалистического агрессора (этот термин мог использоваться как в отношении США и НАТО, так и СССР и ОВД. – *Ар.У.*), обладающих большими боевыми возможностями и численностью, в то время как наши вооруженные силы могут уступать в численном отношении, защита Родины предусматривает участие в борьбе всего народа и поэтому подготовка войск должна учитывать этот фактор”²⁴. Авторство доктрины закреплялось за Н. Чаушеску, который, как отмечалось в публикациях авторов-военных, “развил руководящие идеи организации национальной обороны”²⁵.

Разработка военных доктрин в Югославии и Румынии опережала аналогичный процесс в Албании. Это было связано с ситуацией, складывавшейся в ее руководстве: глава страны и партии Э. Ходжа стремился выступать в роли единственного военного теоретика. Он хотел ослабить роль военных в общественно-политической жизни страны. В марте 1970 г. глава АПТ составил секретный документ – “Тезисы о факультативной военной подготовке”. Обилие ссылок на работы В.И. Ленина и постоянное подчеркивание верности идеологическим постулатам ленинизма служили аргументами для утверждения идеи о необходимости всенародного участия в вооруженной борьбе и введения обязательной системы всеобщей военной подготовки. Планировалось увеличить часы начальной военной подготовки в школах и, что было новым, создать центры военной подготовки граждан без отрыва от производства. Благодаря этому знания о ведении народной войны могли получить широкие слои населения²⁶. “Тезисы” Э. Ходжа передал министру обороны Б. Балуку для рассмотрения в военном ведомстве. Глава партии полагал, что они должны быть представлены как директивный документ в Политбюро ЦК АПТ. Однако Балуку, решил временно отложить обсуждение данного вопроса, поскольку работавшие в Министерстве обороны экспертные группы еще не закончили подготовку материала о новой военной доктрине страны. Осенью 1970 г. вопросы обороны приобрели большое значение для руководства Албании. Они затрагивали широкий комплекс проблем, связанных с международным положением страны. 21 ноября 1970 г. ближайший сподвижник Э. Ходжи и второй человек в руководстве страны – премьер-министр М. Шеху, “курировавший” вооруженные силы, МВД и госбезопасность – Сигуриме, выступил с докладом о плане развития Албании в 1971–1975 гг. Зарубежные аналитики обратили внимание на заявление Шеху о необходимости улучшения качества военной подготовки армии и резервистов. Они отмечали, что если ранее руководители Албании заявляли о полной готовности к обороне страны, то на этот раз речь шла о “радикальном улучшении” в этой области. А это позволяло считать оборонные возможности Албании не недостаточными. Источниками угрозы для Албании, по версии Шеху, являлись два блока – НАТО и ОВД. Как полагали иностранные аналитики, страны Варшавского договора вызывали наибольшие опасения у албанского руководства²⁷.

Концепция “всенародной войны против агрессии”, принятая на вооружение в Югославии и Румынии, имела и “албанское измерение”. Ее основы и конкретные оператив-

²³ Narodna armija, 18.VII.1971.

²⁴ *Șuța I.* Elemente de tactică. București, 1971, p. 373.

²⁵ *Petri A.* În slujba aparării patriei socialiste. – Istoria gândirii militare românești. București, 1974, p. 379.

²⁶ Teza për shkollën e lirë ushtarake. 5 mars 1970. – *Hoxha E.* Vepra. V. 43. Mars 1970 – Qershor 1970. Tiranë, 1984, f. 3, 4, 5, 9–11.

²⁷ I.z. Albanian Government Maps New Program, 3.XII.1970. p. 5. Radio Free Europe research. BOX-FOLDER-REPORT: 2-8-5. – www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/2-8-5.pdf

ные планы начали разрабатываться в Албании еще в 1966 г. Оперативные планы в военных доктринах Албании, Румынии и Югославии также продолжали демонстрировать схожие черты, и первой в их разработке была югославская сторона. Предположения относительно возможных военных действий стран Варшавского пакта против Югославии к концу 1970 г. в самом югославском руководстве существовали только как один из вероятных, но не главных сценариев опасного для страны развития ситуации. Тем не менее, они не сбрасывались со счетов. Несмотря на явные военные преимущества перед Югославией, военная акция против нее со стороны СССР и его союзников, как отмечали американские эксперты, не была бы столь простой, как в случае с Чехословакией, окруженной с трех сторон государствами-членами ОВД, при отсутствии растянутости коммуникационных линий, и отказе чехословацкой армии от оказания сопротивления. Все перечисленные факторы отсутствовали в югославском случае. Наступление против Югославии могло осуществляться только по двум направлениям: из Венгрии в сторону Белграда и Загреба, а из Болгарии в сторону Скопле. Участие Румынии в операции изначально исключалось. Провести неожиданно такую операцию было невозможно из-за отсутствия большого советского воинского контингента на границе с Югославией. Вооруженные силы Югославии готовы были оказать серьезное сопротивление.

Для создания преимущества в соотношении сил ЮНА и ОВД потребовалось бы использовать как минимум 50 дивизий. Перемещение крупных сил Варшавского пакта на юго-западном ТВД было бы замечено НАТО и привело бы к осложнению международных отношений. Особенности географического положения Югославии, имевшей выход в Средиземное море, рассматривались руководством страны с позиций необходимости защиты прибрежной линии с учетом экономических возможностей, людских резервов и общей военной доктрины. Система обороны югославского побережья в рамках территориальной ответственности Военно-морской области ЮНА включала два элемента – морской и сухопутный. В соответствии со стратегическим планом действий по отражению иностранного нападения в направлении береговой черты, в Югославии создавались три операционных зоны обороны. Первая из них охватывала водное пространство Адриатического и Ионического морей и представляла собой район первой линии обороны, где против сил противника предусматривалось использовать подводные лодки и авиацию, базировавшуюся на аэродромах Военно-морской области. Для обеспечения действий югославских сил “первой линии” создавались специальные подземные и наземные сооружения для складирования вооружений и размещения техники в заливах Боки Которской, Сибеника, Бакар, а также на наиболее удаленном от берегов СФРЮ, находящемся в Адриатике, острове Вис. Вторая оперативная зона включала территориальные воды страны. Ее оборону должны были осуществлять ракетные и торпедные катера при поддержке береговой авиации и береговой артиллерии, расположенной на наиболее возможных направлениях нападения с моря. Третья оперативная зона включала внутренние воды Югославии: прибрежную полосу и острова. Ее оборона находилась в компетенции маломерных подводных лодок, ВВС и береговой авиации с привлечением различных судов гражданского назначения, мобилизованных и переоснащенных для военных нужд.

Тактика ведения боевых действий, разработанная югославскими ВМФ не предусматривала проведения широкомасштабных фронтальных операций, а была рассчитана на нанесение максимально возможного урона противнику на наиболее чувствительных для него направлениях, включая маневренное использование немногочисленных сил ВМФ за условной линией фронта. Американские аналитики полагали, что в случае агрессии против Югославии стран Варшавского пакта югославская армия сможет оказать сопротивление на границах страны на протяженном фронте. Для сдерживания агрессора будут использованы силы ЮНА и ТО, применена тактика партизанской войны, чтобы основные силы имели возможность перегруппироваться и могли не допустить

агрессора в глубь страны. Затяжной характер боевых действий был бы крайне опасен для СССР²⁸.

В начале 1971 г. секретным решением ЦК АПТ и Совета министров Албании был принят базовый директивный документ по вопросам оборонной политики. В нем заявлялось о необходимости выработки основных положений концепции “Военного искусства народной войны”: всенародного сопротивления против возможной внешней агрессии и строительства по всей территории Албании бункеров. Основной формой вооруженной борьбы предполагалось сделать партизанскую войну. Эта точка зрения вызывала у профессиональных военных сомнения в реалистичности подобных действий в Албании, не обладавшей достаточными военными и человеческими ресурсами для того, чтобы добиться победы в войне с крупными государствами и военно-политическими блоками, в частности, НАТО и ОВД.

Новая военная доктрина Албании основывалась на том, что для страны в равной мере представляли опасность и Варшавский пакт, и НАТО. Глава АПТ заявлял о превращении ОВД “в другое НАТО, где закон будет устанавливать Советский Союз”²⁹. На встрече Э. Ходжи и Б. Балуку в резиденции Поградец глава АПТ потребовал ускорить работу над разработкой новой оборонной доктрины с учетом концепции народной войны. По мнению Э. Ходжи, “агрессор не должен захватить ни пяди земли, и не один вражеский солдат не должен ступить на нашу землю”. Категоричность установки Ходжи объяснялась его опасением, что в случае закрепления противника на албанской территории возникла бы угроза дальнейшей легитимации его присутствия в стране и создания “параллельного правительства”, дружественного оккупантам. В ноябре 1971 г. Э. Ходже был представлен документ, содержащий основные положения военной доктрины. Ознакомившись с ним, он сделал в материале пометки о необходимости уделить внимание борьбе против возможных десантных операций противника³⁰.

В албанской версии стратегии народной войны особое внимание уделялось Добровольческим силам, идея создания которых была выдвинута в 1971 г. Э. Ходжей и М. Шеху. Фактически эта структура была призвана объединить создававшиеся формирования территориальной обороны, существовавшие параллельно с Вооруженными силами и комплектуемые из гражданских лиц, временно мобилизованных в них. В руководстве военного ведомства, ответственного за подготовку военной доктрины, негативно относились к такому плану и обращали особое внимание на имеющийся опыт боевых действий и военной подготовки развитых зарубежных государств. Апелляция к партизанским традициям была призвана подчеркнуть важность именно подобного опыта, учитывавшего исключительно “албанские условия” несмотря на явное несоответствие стратегии партизанской войны 40-х годов практике применения вооруженных сил в 70-е годы XX в.

Идеологическое обоснование значимости подготовки концепции обороны в ее особой, исключительно связанной с “албанской спецификой” форме делалось с учетом базовых тезисов Э. Ходжи о “народе-солдате”, “армии всего народа” и обучение военному делу всего населения, как об этом заявлялось в его “Тезисах” в марте 1970 г.

На содержание готовившихся албанскими военными материалов серьезно повлияла арабо-израильская война 6 октября – 24 октября 1973 г. События на Ближнем Востоке оценивались с точки зрения применения стратегии и тактики ведения современных боевых действий, а также использования нового оружия. Для разработки военной доктрины этот опыт имел особое значение, так как включал использование различных родов и видов вооруженных сил, среди которых для условий Албании были важны авиация, средства ПВО и мобильные сухопутные подразделения, включая танковые и пехотные.

²⁸ Yugoslavia: Intelligence Appraisal (In Response to NSSM 129). – Yugoslavia. From “National Communism” to National Collapse. US Intelligence Community Estimative Products on Yugoslavia, 1948–1990. NIC 2006-004 December 2006. Pittsburgh, 2006, p. 439 – 441.

²⁹ *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare (1970–1971), v. 6. Tiranë, 1983, f. 320.

³⁰ Halim Ramohito: Si na tradhtoi Mehmet Shehu. – Standart, 2.III.2010.

Все это учитывалось в работе над проектом документа. Его текст был готов к концу 1973 г. Он назывался “Некоторые проблемы обороны равнинной местности”. Разработка новой оборонной политики Албании проходила параллельно с работой над новой конституцией страны. Она должна была легитимировать “социалистический характер” общества и его институты. Новая конституция Албании была принята 28 декабря 1976 г.

Таким образом, в первой половине 70-х годов XX в. Албания, Румыния и Югославия определили концептуальные основы военной доктрины “всенародной войны”. В основе ее лежало сочетание действий регулярной армии, “параллельных” военных структур и массового партизанского движения. Несмотря на национальные различия подобного подхода к формулированию военной доктрины, существовала общая и доминировавшая черта: коммунистические режимы трех государств рассчитывали на использование в критический для них момент для организации обороны широко популяризированного марксистско-ленинского принципа “армия – это вооруженный народ”. Создание параллельных с вооруженными силами военизированных структур в условиях мирного времени использовалось также для понижения политической роли военного истеблишмента как опасного конкурента власти узкого круга лиц во главе с коммунистическим диктатором, но, при определенных обстоятельствах, влияло на расстановку внутривластных сил в соответствующих государствах. Изменения в законодательстве Албании, Румынии и Югославии, проведенные в начале 70-х годов XX в., и ликвидировавшие любые юридические основания для создания ситуации, при которой было возможно образование в военных условиях параллельных существующим органам власти, с тем, чтобы не допустить заключения соглашений с противником, свидетельствовали о серьезных опасениях глав существовавших в трех странах режимов, что события могут развиваться по “чехословацкому” сценарию августа 1968 г. Парадокс сложившегося положения заключался в том, что Румыния, в отличие от Албании и Югославии, являлась членом Варшавского пакта и наличие подобного положения в румынской конституции не оставляло сомнений относительно его “адресата”.